

Она взяла со столика золотую шпильку с зимородком. Глаз феникса на кончике украшения, инкрустированный сапфиром, блеснул в свете стеклянного фонаря. Поглаживая пальцами холодный металл, она невольно вспомнила реакцию Вань Цзяна.

Стоило ей заикнуться о том, чтобы насолить Избраннику судьбы, как он, послушав пару минут её доводы, действительно принялся с готовностью анализировать выгоду, и даже ворчал как-то по-детски покладисто.

Ван Яо посмотрела в зеркало на отражение, в котором ещё читалась былая жестокость, и вдруг рассмеялась. Смех ударился о позолоченную курильницу, заставив пепел осыпаться на пол.

Она погладила холёные руки императрицы — ногти, окрашенные соком недотроги, округлые суставы — они так сильно отличались от её собственных рук, пятьсот лет сжимавших меч. Но, как ни странно, это принесло ей чувство уверенности.

— Похоже, мне придётся поучиться у тебя мастерству пакостничества, — она согнула палец и легонько постучала по зеркалу, в глубине которого мелькнула хитринка.

Призрачный силуэт Вань Цзяна самодовольно выпятил грудь, серебряные нити на его чёрном халате засияли в её море сознания:

— Ещё бы! Эта Система — настоящий профессионал.

Ван Яо говорила это вовсе не Вань Цзяну. Она обращалась к той женщине, чья душа уже давно рассеялась в небытии. Но, услышав ответ Вань Цзяна, она лишь подумала, что он стал ещё очаровательнее.

Ван Яо крепко ущипнула его за пухлые щеки:

— Ой, мой маленький милашка, какой же ты всё-таки наивный и доверчивый.

Вань Цзян покраснел от возмущения:

— Ты... ты! Нахалка! Не смей трогать этого господина!

С самого рождения, ещё будучи совсем несмышлёным, Вань Цзян попал к тому мужчине-хозяину. Тот лишь использовал его и заставлял работать. Позже, когда того свергли и убили, Вань Цзян, воспользовавшись моментом его смерти и упадком удачи, силой разорвал связь и сбежал. Хотя он получил тяжёлые ранения и лишился многих защитных артефактов, он считал, что оно того стоило.

С тех пор Вань Цзян постоянно скрывался и ни с кем не был так близок. Поэтому сейчас он

чувствовал себя немного растерянным.

Солнечный луч за окном переместился к краю бронзового зеркала, отбросив золотую полосу на кирпичный пол.

Ван Яо взяла золотую шпильку и медленно вонзила её в волосы. Глядя в зеркало, она видела, как феникс словно ожил, а золотые крошки с его крыльев рассыпались под её глазами. Истинная мать нации, обладательница поистине благородных черт лица.

Злоба, затаившаяся в этом теле, ещё не улеглась, но бури уже не поднимет. Как и этот якобы «чернеющий» ИИ: стоило его немного погладить по шёрстке, как он становился куда покладистее тех лицемерных старейшин из мира бессмертных.

Она поправила воротник императорского платья и вдруг подумала, что эта «контрабанда» в другой мир, возможно, не так уж и плоха.

Пробило три часа ночи. На длинных коридорах погасла большая часть фонарей, лишь несколько раскачивались на ветру, то освещая, то погружая во тьму золотистые плиты пола.

Ван Яо применила технику подавления дыхания — навык, который она довела до совершенства в мире бессмертных. Сейчас, даже в теле императрицы, лишённом духовной энергии, это помогло ей ступать бесшумно, словно тень, скользящая по галерее.

Она достала небольшую сумку для хранения, вышитую серебряными облаками, которые тускло мерцали в лунном свете. Потерла её в руках, и сумка раздулась до размеров в полфута, а по её краям проступили тёмно-золотые руны.

Это была модель на двадцать квадратных метров, которую она когда-то подобрала с останков заклинателя, обглоданного чудовищами. Сейчас она идеально подходила для золота и драгоценностей.

Личная казна императора находилась во дворе рядом с залом Янсинь. Дверь была отлита из чёрного железа, а на ней закреплены восемь бронзовых голов зверей, которые в ночи казались кольцом оскаленных демонов.

Ван Яо вытащила из причёски золотую шпильку, на конце которой зацепилась тонкая, как крыло цикады, чешуйка — Вань Цзян дал её ей перед уходом, уверяя, что она открывает восемь из десяти замков в Поднебесной.

Чешуйка, коснувшись замочной скважины, зашипела, пуская белый дымок. Раздался щелчок, и дверь из чёрного железа приоткрылась, пропуская лишь одного человека.

Она проскользнула внутрь, подол императорского платья зашуршал по полу, словно

шелкопряд, грызущий лист тутовника.

Она ничуть не боялась разоблачения. Напротив, пусть обнаружат — если не обнаружат, будет скучно.

Среди подчинённых прежней хозяйки тела не было порядочных людей. Если что, появится повод перебить их всех и заменить своими.

В казне не горел свет, но внутри было ослепительно ярко. У восточной стены стояли стеклянные шкафы, в которых лежали ночные жемчужины размером с кулак, освещаая горы золота и украшений.

Нефритовые статуэтки поблёскивали в тени, на ветвях кораллового дерева висели нити жемчуга, даже шёлк, выстилавший дно сундуков, был расшит золотыми нитями. Ван Яо уже решила: она заберёт всё.

Лицо Ван Яо, побелевшее от жемчужной пудры, отражало сияние камней, а в уголках губ играла хитрая усмешка.

В этот раз она точно не проиграет.

— Тот нефритовый жезл слева, он из тёплого нефрита, успокаивает дух, — голос Вань Цзяна прозвучал в её сознании, полный восторга — он явно был очарован сокровищами, а его призрачный халат даже начал развеиваться. — А под ним лежит кусок ткани из шкуры русалки, на ощупь он в десять раз нежнее твоего платья! Интересно, кому из наложниц старый император хотел его подарить?

Ван Яо не разозлилась на его подколку, ей стало смешно. Вероятно, это была его «месть» за то, что она потискала его за щёки, и попытка показать, что с ним лучше не связываться.

Но никакой угрозы в этом не было. Малыш, видимо, забыл, что это тело ей не принадлежит, да и они только прибыли — они даже лица императора не видели. В конце концов, он ей не муж.

Ван Яо, встав на цыпочки, обошла нефритовый сосуд и, едва коснувшись жезла, почувствовала обжигающее тепло. Жезл был молочно-белым, с резьбой в виде лотосов и красной каплей на конце — в руке он ощущался словно маленькая грелка.

Она с улыбкой спрятала его за пазуху, и шёлковая ткань тут же натянулась, приняв округлую форму.

Её пальцы скользнули по облачному узору на нефритовом кулоне, вспоминая о дворце в мире бессмертных. Какое же сокровище она с таким трудом создала! Едва не разрушила при переходе. А ведь там всё ещё восстанавливался её Огненный Дух.

Огненный Дух был её кровным зверем — прекрасной алой птицей. Когда Ван Яо поразила молния, птица приняла на себя десятки ударов. Их судьбы были связаны, поэтому помощь духа не вызывала гнева Небесного Дао.

Когда Ван Яо поняла, что больше не выдержит, она силой спрятала её в пространстве. Она думала: если суждено умереть, то вместе, но смотреть, как погибает подруга, она не могла.

Сейчас она выжила, обрела тело, а Огненный Дух всё ещё восстанавливался, не способный даже принять человеческий облик.

Алые колонны, ступени из белого нефрита, духовный рис на полях, который она не успела собрать... В пятистах квадратных метрах пространства даже источник был живым, и, возможно, олень, которого она завела в прошлом году, всё ещё жевал мох.

Ван Яо решила, что при первой возможности нужно будет накопить побольше духовной энергии. Кто знает, как скоро им снова попадётся мир с её наличием, если они будут так бесцельно скитаться с Вань Цзяном.

Лицо прежней хозяйки, вечно напряжённое, сейчас светилось улыбкой, жемчужная пудра в уголках глаз осыпалась, придавая ей живую красоту — словно весенний снег на замерзшем озере.

Призрачный Вань Цзян высунулся из-за её плеча, его глаза под чёрными тенями сияли ярче жемчужин:

— Мы договаривались разрушить удачу того старика-императора. Не забудь.

— Само собой, — Ван Яо взвесила в руке жемчужину, холодный отблеск которой отразился в её глазах, полных расчёта. — Но сначала наберём побольше сокровищ, создадим стартовый капитал.

Вещи это мирские, но Ван Яо — человек простой. Она их любит.

Она открыла лаковую шкатулку и обнаружила жемчужину размером с голубиное яйцо. Прикосновение к ней дарило тепло — это был редкий тёплый нефрит. Конечно, она тщательно вымыла из-под ногтей остатки крема — не хотелось бы отравиться собственной косметикой.

Лунная полоска света пробилась через окно, осветив на полу следы её подола — золотые слитки, которых коснулось императорское платье, теперь пахли сладковатым ароматом её мазей.

Ван Яо спрятала жемчужину в сумку, как вдруг услышала вдалеке стук колотушки ночного сторожа. Она поспешно затянула сумку и, уходя, прихватила ещё и нефритовый кубок с полки.

Железная дверь медленно закрылась за её спиной. Прижимая к груди нефритовый жезл и слушая в голове ворчание Вань Цзяна, подсчитывающего добычу, она подумала, что этот дворец куда интереснее, чем тайные обители мира бессмертных. По крайней мере, здесь за кражу сокровищ не бьёт молния.

Лунный свет проникал сквозь резные окна, ложась на груды золота и серебра, рассыпая искры.

Тень Ван Яо растянулась по полу, а в её сознании маленький мальчик-призрак весело напевал нескладную песенку. Его густые чёрные тени в лунном свете казались невыразимо милыми.

И что с того, что Система «чернеет»? Пока она жива, она готова вместе с этой Системой хоть перевернуть стол самого Небесного Дао.

<http://bllate.org/book/18849/1837689>